

*Бесконечно любимым, никогда не забываемым
маме и папе — с огромной благодарностью.*

Мой папа Михаил Михайлович Лавров — геолог. Когда началась война, он был в экспедиции — искал слюду (мусковит) и золото. И только в сентябре 1941 года он и его коллеги по экспедиции узнали, что идет война. В лодках, груженных ящиками с образцами пород, они шли по реке Киренге и слышали непонятный стон, разносившийся по реке. Подошли к какому-то селению — у причала стоял катер, а на берегу рыдали женщины, обнимали своих мужей, отцов, сыновей. Мужчины взошли на катер, плач женщин перешел в вой, крики. Вот тут-то геологи и узнали, что война идёт уже третий месяц.

Как только папа вернулся в Иркутск, сразу подал рапорт о зачислении его в рядовые Красной Армии. А в начале июля этого года у нас появилась сестренка Маринка. Когда он вернулся из экспедиции, ей было три месяца, она родилась за две недели до войны. Папа просто не спускал ее с рук до ухода на фронт.

Папу зачислили в специальные войска «белая смерть», как он объяснил нам, детям. Он был хороший лыжник. Сначала их, лыжников, собрали на учения, выдали ватники, белые маскхалаты и «пулеметы». Эти пулеметы были деревянные муляжи, покрашенные в черный цвет.

Оружия в наших войсках не хватало на всех, и во время учений за спинами солдат висели муляжи. Лыжники должны были научиться лавиной скатываться на противника по приказу командования. Стрелять они не учились — не было ни оружия, ни патронов.

Народ среди лыжников был разный и по социальному происхождению, и по возрасту — рабочие, интеллигенция, бывшие заключенные... Воровство немислимое. У папы сразу украли белье, все личные вещи. Мало этого, зеки устраивались помощниками в кухне, ухитрялись воровать хлеб, да и другие продукты. Папа был высокий крепкий мужчина, на этих сборах все время ходил впроголодь. Баня была редкостью, многие заболели педикулезом. У папы началась дистрофия. По телу пошли фурункулы. Но он крепился, пока не упал на учениях. В лазарете его не вылечили, он просто таял на глазах врачей, терял вес. Его отправили в Иркутск — умирать.

А в это время моя мама Валентина Константиновна, мой брат Андрей, я и маленькая Маринка на руках у мамы, мамина старшая сестра Ляля (Ольга) с сыном Лоликом (Лолий Цой), нашим ровесником (мы все жили в одной квартире), возвращались с огорода, где мы выращивали картошку и некоторые овощи. Огород находился на левом берегу Ангары за деревней Кузьмихой. Этот участок под огород выделили папе на работе в Горно-металлургическом институте, где он преподавал.

Мы медленно поднимались на пятый этаж (квартира № 50 по улице Марата, дом 25 — Дом специалистов). Все устали, и взрослые, и дети. В пролете между лестницами на низком подоконнике сидел солдат. Мой брат закричал:

— Папа! — Какая поднялась кутерьма! Мы, дети, кричали: папа, папа! — висли на нем, не давая подойти маме с Маринкой. А папа едва держался на ногах. Но мы этого не замечали. Дома мы все радовались, он сидел с Маринкой на руках, а мама и тетя Ляля бросились в кухню. Мой кузен Лолий вспоминал, что наша соседка по лестничной площадке девочка Зина шепнула ему во дворе, когда мы вернулись с огорода:

— Ваш папа приехал.

Видимо, шепнула ему одному, потому что мы не знали, что папа вернулся. Мама быстро поняла: с папой что-то не так. Нагрели воды для ванны, тогда ведь не было горячей воды, холодная-то была не всегда (напор слабый для пятого этажа). Вечером пришел врач, сказал, что дело безнадежное, папа потерял в весе очень много, по всему телу гнойные фурункулы. Мама стала применять народные средства: варила луковицу, разрежала пополам и эти горячие половинки (именно горячие) прикладывала к фурункулам, они вытягивали гной. Это было очень больно, но папа терпел. Мама поила его настоями из трав. Врач удивлялся, что хоть и медленно, но папа шел на поправку.

К весне он почти поправился, но был очень худой. Маринка часто сидела у него на кровати, он не мог на нее налюбоваться. Папа вышел на работу и снова подал рапорт о зачислении его в армию. Но ему было дано другое задание: он должен был ранней весной отбыть в поле — для войны необходима слюда (в танках окна были из мусковита), ну и золото. Вот папа и искал эти месторождения. Он проводил в поле большую часть года — с ранней весны до начала зимы.

И вот в 1944 году папа решил взять с собой в экспедицию маму и нас, детей. Тогда и маминым сестрам, которые жили с нами, и нашему двоюродному брату будет легче, так как они смогут получать папин городской паек.

В самом начале мая мы собрались и во дворе ожидали транспорт. Приехала телега, мы обрадовались, сложили вещи, и все дети сели в телегу, а взрослые шли пешком: по улице Марата (бывшая Луговая), потом через Ангарский мост на вокзал. Здесь мы попрощались с тетями и Лоликом, они пошли домой, а мы

стали ждать поезд, который должен был отвезти нас на станцию Байкал. Подошли еще две девушки, папины студентки — Вита (Викторина Петровна Васильева, в будущем, как и папа, доктор геолого-минералогических наук) и Вика (Виктория, фамилию не помню).

Мы долго ждали поезда. Папа строго-настрого приказал нам сидеть около своих вещей и никуда не уходить, всем держаться вместе, а сам пошел поговорить с начальником вокзала. Такие меры были необходимы. Иногда раздавался крик: поезд идет! И люди срывались с мест, толкались, торопились к выходу. Начинался хаос, и в это время у многих вырывали сумки из рук, обшаривали карманы, воровали вещи. Вокзал был забит людьми — беженцами, нищими, ворами. У кого-то билеты были, у других не было билетов, да и денег не было, но все хотели ехать, кто к родственникам, а кто — просто так, неизвестно куда, лишь бы уехать.

Пришел папа и сказал, что мы пойдем на перрон только тогда, когда он даст сигнал (не зря он ходил к начальнику вокзала). И наконец тихонько сказал, чтобы мы взяли вещи, крепко их держали и шли в таком порядке: он с Маринкой (ей было около трех лет) на руках и с вещевым мешком — впереди, потом мама и я с братом, потом студентки. Мы вышли на перрон — народу было видимо-невидимо, все с мешками, в платках, хотя было тепло, одеты плохо, дети плачут, на них все шикают. Когда подошел поезд, папа велел всем встать вплотную и первый пробил дорогу в вагон. Он стоял на площадке с Маринкой, сдерживая толпу спиной и рукой, пока мы не прошли, вернее, с трудом пролезли. Мы сразу заняли купе в общем вагоне. Маринку усадили на откидной столик, и она играла с куклой, а мы с Андриком смотрели в окно. С одной стороны виднелись скалы, холмы, сплошь покрытые лиственницей, сосной, иногда березой. С другой — Ангара. Она была такая широкая, вода такая красивая, глаз не отвести! Когда поезд пошел над оврагом, темный лес оказался внизу, мне стало страшно на мгновение: казалось, мы упадем туда, в глубину, в темный лес. Потом долго мне снился этот овраг, и всегда было страшно.

Приехали на станцию Байкал. Теперь мы должны были сесть на пароход (по-моему, «Комсомолец»). Нужно было пройти вдоль всего Байкала с юга на север до Нижнеангарска. Мы все очень устали, впечатлений было много, хотелось спать. Мама уложила нас на «койки», тепло закутала. Я уснула сразу, и меня разбудили только в Нижнеангарске. Здесь нас отвели в школу, где уже занятия кончились, и мы спали на полу в таком порядке: студентки, потом мама, Маринка, я и Андрик, потом папа. И в последующем, когда нам приходилось ночевать всем вместе, мы всегда располагались именно таким образом. Утром нам подали катер, который должен был везти нас по Верхней Ангаре. Мы ехали в Куморы (иногда называют это село Кумора).

Только начало мая — а очень жарко. У нас было две каюты, студентки — отдельно. Комаров просто тьма! Мама сделала полог из марли над нашими подвесными койками. Но все равно комары нас кусали со всех сторон, как-то пробирались сквозь марлю. Особенно жалко было Маринку, хотя она не плакала, но расчесывала укусы. Мама прикладывала кусочки марли, смоченные в содовом растворе.

Катер медленно поднимался вверх по Верхней Ангаре. Мы с братом вышли на палубу, вслед за нами — папа. По берегам Ангары сплошной стеной шел лес. Никаких селений видно не было. Было очень красиво. Уже цвели жарки — заглядеться можно! Мама тоже вышла на палубу с Маринкой. Здесь комаров было меньше, дул ветерок.

Вдруг катер стал чихать, пошел медленнее. Ветерок пропал, появились тучи комаров. Капитан направил катер к берегу, и около большой поляны мотор заглох. С катера на берег стали спускать трап. Мы ушли в каюту — подальше от комаров. Брат остался на палубе. Через несколько минут он появился в каюте и радостно сообщил, что мотор сломался и предстоит его починить. Он сказал, что ему разрешили спуститься в машинное отделение, и он будет помогать чинить мотор. Мне тоже хотелось в машинное отделение, но Андрик сказал, что женщин туда не пускают. Когда я сказала, что я не женщина, а девочка, он быстро ответил, что девчонок вообще близко даже не подпускают, и убежал. Папа решил, что мы пойдем на поляну, но мама осталась с Маринкой в каюте.

По узкому трапу без перил мы сошли на берег. Здесь было очень красиво. Много берез, трава высокая, много цветов — жарки, ветреницы, водосборы. Все портили комары. Папа сорвал мне ветку, и я стала ею отмахиваться. По трапу на берег спускался какой-то пожилой человек в белом костюме и в панамке. Потом выяснилось, что он не пожилой, а молодой, но у него была борода, и он показался мне старым. Он подошел к нам, протянул папе руку и сказал, что он энтомолог, едет собирать каких-то насекомых. Они с папой разговорились, а я стала бегать по поляне. Тут ко мне присоединился мой брат, объявил, что поломка большая, и мы будем здесь ночевать.

Энтомолог что-то говорил папе с большим воодушевлением. Когда мы подошли, папа нам сказал, что энтомолог знает способ, при котором комары кусаться не будут: нужно лечь в траву на спину, руки вдоль тела, не шевелиться, и комары покрутятся-покрутятся, но кусать не будут. Он, энтомолог, может этот метод показать нам. Он пошел искать хорошее, ровное местечко, где можно прилечь. Папа нам хитро улыбнулся и сказал тихонько, что он не верит в этот метод. Лучше, чем обмахиваться веткой, он ничего не знает.

Энтомолог лег в траву, мы смотрели на него. Комары появились тут же, вся туча покрутилась над энтомологом и в один миг набросилась на него, облепив его лицо и руки. Он с криком вскочил, чертыхаясь, стал отмахиваться от насекомых, которых он любил и знал, по его словам. Он объяснил, что здесь какие-то другие комары, они его страшно искушали, и он пойдет в каюту. Никто из нас не хотел повторить этот трюк. Студентки, да и мы очень смеялись.

Папины студентки Вита и Вика мне очень нравились, с ними было интересно. Но им нравилось быть с моей мамой. Мама учила их вязать, они играли с Маринкой и говорили, что рады, что поехали с нами. С этими студентками наша семья сохранила самые добрые отношения в течение всей жизни.

Вечером было тоже очень красиво. Матросы развели на берегу костер, варили ужин в котелке. Около костра комаров не было, было тепло, тихо, спокойно, чудесно. Даже мама и Маринка пришли на полянку. Идти спать в каюту не хотелось. Но пришлось.

К утру мотор починили, мы быстро прошли по Верхней Ангаре, приближаясь к Куморам. Скоро собрали вещи. Папа сказал, что в Куморах уже ждет его друг и коллега геолог Дмитрий Константинович Зеgebарт. Когда наш катер подходил к небольшой пристани, мы увидели кучку людей, среди которых возвышался один человек — это и был папин друг. Дмитрий Константинович (папа звал его ДэКа, а ДэКа звал папу МихМих) прихрамывал, когда-то у него был туберкулез, и одна нога стала немного короче другой. Он всегда ходил с тростью, что не мешало ему быть подвижным, выносливым, замечательным геологом-разведчиком.

ДэКа сказал, что уже присмотрел для нас хорошенький домик в центре деревни. Домик был небольшой: одна комната и отдельно кухня. Был и огороδικ на задворках. Мы стали устраиваться в нашем домике, ДэКа повел студенток «на постой» к какой-то одинокой старушке. Папа расставил кровати, стол, затопил печку. Обещал договориться о дровах. Мы с братом были удивлены, что в этой деревне нет электричества. Папа сказал, что почти во всех деревнях его нет, есть только в городах. Но у нас был большой запас толстых свечей, их должно было хватить надолго.

На следующий день папа и ДэКа договаривались с рабочими, которые должны поехать с ними дальше, в горы, на разведку месторождений слюды. Искали проводников, нанимали лошадей. Папа и ДэКа должны были идти в разные стороны, каждый со своим отрядом.

Первым ушел в маршрут ДэКа. Настал день, когда уходить папе. Он должен был вернуться только к концу лета. Лошади уже были навьючены, все люди в сборе, и мы вышли провожать папу. Вот отряд пошел по дороге, все деревенские дети и мы с ними бежали до конца деревни. Дальше был лес. Папа обнял нас с братом, и отряд скрылся за деревьями. Мы побрели к маме, мальчишки шли сзади и что-то громко обсуждали.

Мама стояла около калитки, держала Маринку за ручку. Деревенские женщины стояли кучкой. Внезапно мальчишки закричали и бросились врассыпную. Из лесу выбежала лошадь с поклажей на спине и понеслась по улице. Мальчишки перескакивали через заборы. Мама схватила на руки Маринку, нас быстро спрятала за калитку. Лошадь вдруг бросилась на спину и начала кататься в пыли, пытаясь сбросить тюки. Из лесу уже бежали папа и его проводник. Лошади удалось сбросить поклажу, она вскочила на ноги и стала брыкаться задними ногами. Папа и проводник, рискуя жизнью, как мне казалось, пытались с ней сладить. Она громко храпела, изо рта шла пена. Наконец проводник поймал лошадь за уздечку, и вдвоем с папой они немного успокоили ее. Здесь же сняли то, что осталось у нее на спине. Вьючить больше не стали. Проводник сказал, что приведет другую лошадь, а эту отдаст хозяину.

Папа подошел к нам и рассказал, что эта лошадь уже была в такой экспедиции и хорошо запомнила, как там тяжело. Когда вышли на тропу, которая вела на Чипчикон — место папиного маршрута, лошадь бросилась бежать обратно в деревню. В эту экспедицию он брал только тех лошадей, которые шли туда впервые. Самое страшное и для людей, и для лошадей — это оводы. В здешних местах их называют слепнями. Это огромные мухи, которые очень больно кусаются. Особенно искусывают лошадей. Лошадь потеет, а оводы тут же облепляют спину, живот, ноги. Но самое страшное, когда оводы садятся вокруг глаз, ноздрей и губ. Лошадь не может отмахнуться, хвост не достает до глаз. Укусы очень болезненны. Люди надевают шляпы с полями, с полей спускается противомоскитная сетка. Это немного спасает не только от слепней, но и от комаров, мошек (здесь их называют мошкой). Но люди тоже потеют, и слепни кусают их сквозь рубашку. После укуса слепня остается большой волдырь, он и болит, и чешется. Лошади боятся от укусов слепней. Хозяин этой лошади схитрил, не сказал, что она уже побывала на Чипчиконе. Теперь проводнику нужно найти другую лошадь. А время идет. Весь отряд стоит в лесу, у тропы в этот гнилой район и ждет папу, проводника и новую лошадь.

Мы хорошо знали, что такое укусы овода. Даже один укус несколько дней напоминал ежeminутно о себе. А еще папа нам рассказал о романе Этель Лилян

Войнич «Овод». Мы хорошо понимали, почему взбесилась лошадь. И нам было страшно, что папа едет в такое место на несколько месяцев.

Наконец привели другую лошадь, погрузили на нее кладь и снова пошли к лесу, и опять все дети радостно побежали провожать папу и проводника. И вот геологи снова скрылись в лесу, а мы побежали домой.

Домик наш был маленький, но нам это нравилось. Когда мы ложились спать, мама при свете свечи читала нам книжки «Маленький Мук» В. Гауфа, «Без семьи» Г. Мало, «Детство Темы» Н. Гарина-Михайловского. Но нас мучили клопы. Как только мы засыпали, а мама гасила свечку, они нападали на нас. Их было множество. Понятно, почему нам быстро сдали этот домик! Мама собирала полынь и везде ее раскладывала, ставила ножки кроватей в баночки с водой, даже с бензином, но ничего не помогало. Клопы лезли по стенам на потолок и с потолка прыгали на нас. Может быть, кому-то покажется это смешным, но это было действительно так. К тому же мой брат Андрей и я заболели малярией. Какой-то маленький комарик был заражен и укусил меня и его. И мы тяжело заболели. Это страшная лихорадка. Ты лежишь, потому что нет сил, тебя трясет, как от страшного холода, но никакие одеяла не помогают. Потом становится жарко. Сильный холод и жара сменяют друг друга, отчего человек теряет силы. Эта лихорадка бывает приступами, которые наступают внезапно. И ничего не помогает, лекарств нет. Счастье, что ни маму, ни Маринку не укусил малярийный комар.

Мама решила найти другой дом. Ей сказали, что есть один, он большой, и в нем никто не живет. Хозяин ушел на войну, дом не достроен и стоит на самом краю деревни, на отшибе, около леса. Мы все пошли посмотреть на него. Он был больше нашего дома, но в нем была только одна большая комната. Посредине комнаты стояла большая печь, грязная, но мама сказала, что побелит ее, и все будет хорошо. Какие-то люди помогли нам перенести наши вещи, кровати, стол и табуретки. Стульев в деревне не было, и наши новые друзья — деревенские ребята не знали, что такое стул, как не знали и что такое электричество. Вместо стульев были табуретки и лавки. Кстати, некоторые ребята говорили «тубаретка».

Мама приводила дом в порядок, потом мы пошли в деревню, в магазин. Громко сказано: это была небольшая комната в каком-то сарае. Но было чисто и пахло как-то непривычно для нас. Здесь продавали и продукты, и хомуты, и гвозди, и веревки, да вообще все что хочешь. Было очень интересно разглядывать. В стеклянной кринке было что-то коричневое. Брат сказал мне, что это похоже на конфеты «подушечки». Мы попросили маму купить нам конфет. Но «подушечки» так слезались в кринке, что их нужно было разбивать ножом. Это уже был просто кусок «подушечек», что мы и получили. В магазине мама попросила, чтобы кто-нибудь пришел и вставил стекла в два окна в нашем новом доме. На время мама завесила их мешковиной. Какого-то старичка вызвали, и он обещал сей же час пойти и вставить стекла. Но пришел только на следующий день. Долго возился со стеклами, потом мама предложила ему чай, он не отказался. Уходя, сказал, что принесет нам сметану и рыбу, когда наловит.

Мы с братом познакомились с деревенскими ребятами и ходили с ними на озеро, катались на лодке, играли в мяч. Мы привезли несколько теннисных мячей, которые уже не годились для корта. И мама, и папа хорошо играли в теннис в Иркутске, и у нас всегда были теннисные мячи. Уезжая, мы раздали все мячи ребятишкам, и они были очень довольны.

Маринка была еще очень мала, чтобы ходить с нами в деревню, она остава-

лась дома с мамой. Вокруг нашего нового дома не было забора, он стоял довольно одиноко, в двух шагах от леса. К дому стали приходить собаки. Маринка их приручила. В отличие от современных бродячих собак, грязных и злобных, эти собаки были смирные. Казалось, им очень нравится, что Маринка их приручает. Она «выючила» их — привешивала на бока маленькие мешочки (папа дал нам несколько мешочков, предназначенных под образцы пород), надевала «уздечку», водила собак вокруг дома, а потом давала им отдых, и они лежали на улице или дома. Две большие собаки — восточносибирские лайки — были особенно ласковыми, терпеливыми. Они смиренно стояли над ворохом травы, которую Маринка рвала им на обед.

Как-то в жаркий день мама повела нас купаться на озеро Иркану. Оно было неглубокое, очень теплое, мы плескались, учились плавать. Купаться в Ангаре нам запрещалось: течение очень быстрое, и у берегов сразу было глубоко. И мы стали ходить на Иркану. Обе собаки сопровождали нас. Мама их подкармливала, и они не отходили от мамы. На Иркане мама вымыла собак с мылом, а потом расчесала им шерсть. Собаки были лохматые, и мама начесывала много шерсти. Одна из деревенских старушек научила маму готовить пряжу, скручивая толстую хлопчатобумажную нитку с шерстью собак. Мама связала нам всем свитера, и это впоследствии очень пригодилось.

Однажды к пристани подошел «утюг». Это большой баркас, по форме напоминающий утюг, без палубы. На корме огромный деревянный руль. «Утюг» был загружен бочками. Наверное, они были совсем новые, белые, красивые. Бочки выгрузили на берег, а там погрузили на телеги и повезли на большую поляну около деревни. Деревенские женщины, и молодые, и старые, ежедневно ходили в лес в любую погоду: собирали грибы и ягоды. Вечером на поляне разложили большие и маленькие костры и варили грибы в котлах и котелках. Потом грибами заполняли бочки. Варили варенье из лесных ягод, собирали и сушили шиповник. Все это шло на фронт. Бочки опять грузили на «утюг» и отправляли в Нижнеангарск, а оттуда уже на фронт.

Мы тоже собирали и сдавали грибы. Я с братом ходила в лес «по ягоды» с деревенскими женщинами и детьми. Мама в такие дни оставалась дома с Маринкой. Еще мама развела цветы (у нас были клумбы), главными цветами был табак. Он очень красиво цвел, и запах тоже был приятный. Когда табак созревал, мама обрывала листья. Сквозь черенок каждого листа продевала нитку и развешивала табачные гирлянды на чердаке. Когда листья подсыхали, но не ломались, влага еще сохранялась в них, мама их снимала, складывала стопкой и резала ножом очень тонко. Нарезанный табак досушивала, а потом протирала в ладонях почти до порошка. Мама сдавала табак для фронта и оставляла для папы. Мы с братом тоже научились «делать табак» и помогали маме.

В середине августа вернулся из маршрута со своим отрядом Дмитрий Константинович Зеgebарт. Он собирался возвращаться в Москву. Как только он узнал, что и я, и мой брат страдаем от малярии, принес нам порошки хинина, но их было мало, для лечения нужно провести целый курс. Хинин обладает чрезвычайно горьким вкусом. Мы отказывались принимать порошки, но два-три раза нам пришлось их принять.

ДэКа обещал прислать порошки из Москвы. Слово свое он сдержал, прислал нам новое противомаларийное средство «Акрихин». Это были порошки ярко-оранжевого цвета. Кажется, в них добавляли высушенный сок апельсинов. Говори-

ли, что это средство придумали англичане для своих соотечественников, живших в тропиках и страдавших от малярии. Порошки нужно было разводить в воде (полстакана). Пить было невозможно, меня просто выворачивало. Но принимать порошки было необходимо, мы очень страдали от малярии. Счастье, что мама и Маринка не заболели. Мама готовила из лесных ягод очень вкусное варенье. и стала давать нам с братом акрихин с большим количеством варенья, не разводя его в воде, и после этого мы много пили. Но каждый раз, когда я принимала акрихин, мне было плохо. Хотя жар быстро спадал и лихорадка становилась не такой мучительной, нас трясло, но не так сильно, как до приема лекарства. Часто я отказывалась пить акрихин. Мама рассказала мне о русском путешественнике Миклухо-Маклае, слуга которого тоже подхватил тропическую лихорадку. Ему приходилось пить хинин, но болезнь эта очень серьезная, в конце концов слуга скончался. Я стала пить акрихин регулярно, хотя это и было тяжело.

Потом, когда мы вернулись в Иркутск, мама водила меня и брата в инфекционную поликлинику, которая находилась в конце улицы Марата, на том месте, где сейчас стоит памятник Ленину. Раньше здесь была лютеранская кирха, в советское время в ней устроили поликлинику, потом там было общежитие для студентов пединститута (кирху снесли в 1952 году). Мы с братом принимали акрихин более года. Кожа наша стала цвета охры. Было немало людей, которые боялись с нами контактировать, думали, что у нас гепатит.

В Куморах я пошла в первый класс. Когда мы вернулись в Иркутск, стала учиться в школе № 17 по улице Степана Разина. Маме пришлось объяснять учительнице, почему моя кожа такого цвета, а учительница, в свою очередь, объяснила детям, что это не заразно и пройдет, когда я перестану пить лекарство.

Как-то в середине августа мы решили пойти в лес с мамой и Маринкой. Мы собирали лесную ежевику, бегали на полянках, валялись в траве. Маринка не плакала, была радостная, и мы все были довольны. После нескольких чудесных часов, проведенных в лесу, мы собрались домой. Обратная дорога нам показалась длинной, но к дому мы не вышли. Мы уже устали, маме пришлось нести Маринку на руках. У нас с братом были корзинки с ягодами, маслятами и шампиньонами.

Внезапно мы вышли к небольшому дому. Мама оставила нас на полянке, а сама пошла к нему. На пороге показалась молодая женщина, они с мамой о чем-то поговорили, а потом вошли в дом. Через несколько минут вышел мальчик, он был выше моего брата и на несколько лет старше. Он принес нам в кринке молоко и чашку без ручки. Пока мы пили молоко, он стоял рядом и смотрел на нас. Мой брат заговорил с ним, но мальчик ничего не ответил, взяв кринку, ушел в дом. Почти сразу он вышел и встал около двери, наблюдая за нами и осматриваясь кругом. Мальчик был мрачным, насупленным.

Нам казалось, мамы долго не было. Мне хотелось пойти к ней, но мальчик стоял на пороге и смотрел на меня неприветливо. Я села на траву рядом с Маринкой и Андриком. Трава была недавно скошена, полянка небольшая, окружена высокими лиственницами. Рядом с домом росли высокие кедры. Было красиво, но мрачновато, солнце едва пробивалось сквозь густые кроны деревьев. Мы ели ягоды, которые собрали в лесу. Сидели молча. Мальчик в дом не уходил.

Казалось, прошла вечность. Наконец мама вышла на крыльцо, ее провожала женщина. Она что-то тихо сказала мальчику, и он повел нас в лес в сторону от дома. Там показал едва заметную тропинку, которая выведет нас в деревню, но сказал, что дальше не пойдет, а нам нужно идти далеко.

Мы спрашивали маму, почему она была в том доме так долго, она сказала, что они разговаривали. Я с пристрастием допытывалась у мамы, почему она стала такая грустная. Мама нам рассказала, что в доме в лесу живет семья лесника. Хозяин, лесник, на войне, а его жена и сын живут одни. К ним никто не приходит. Но случилась странная вещь — пропал у них топор. Он всегда лежал под крыльцом, но несколько дней тому назад они его там не обнаружили. А в лесу плохо без топора. Топор украли. Но кто? Мама сказала, что этой женщине и мальчику сейчас трудно и страшно. Какой враг мог у них появиться? Мама предложила нам сесть на поваленный ствол сосны и отдохнуть. Мы с радостью согласились. Маринка уснула на руках у мамы.

Было тихо-тихо в лесу, уже заметно стало темнеть. И тут мама меня очень удивила. Она сказала, что мы очень хорошие дети и всегда слушались и ее, и папу. Иногда шалили, но это нормально. А сейчас мама очень просит нас никому-никому не рассказывать, что мы были у дома лесника. Никаким друзьям и подружкам. Мама говорила грустно, но серьезно. Сказала, что мы ее дети, она нас очень любит, доверяет нам, и если мы кому-нибудь расскажем, то очень ее огорчим. На наши «почему» мама ответила, что бывают всякие люди, никто не знает, кто украл топор, кто приходил к ним ночью. Им очень страшно. Жена лесника просила маму никому не говорить, даже нам, но мама уверена, что мы выполним ее просьбу. Имен женщины и мальчика мама не знала. Все это было так таинственно, и мама была очень печальная. Мы, конечно же, сказали, что никогда и никому не расскажем.

Слово свое мы держали, но иногда говорили между собой о странном мальчике и его маме. Мама нам объяснила, что мальчик, сын лесника, никогда не был в большом городе, в деревне-то бывал редко. А тут городские люди, он не знал, как ему вести себя, о чем говорить. А жена лесника боялась кого-нибудь ложно обвинить в краже топора. Нужно, чтобы прошло время.

Наступил сентябрь, и я пошла в первый класс, а мой брат — в третий. Но мы занимались в одной комнате, а во второй комнате — второй и четвертый классы. Учительница у нас была одна. Когда она читала нам сказки, ученики третьего класса слушали, в то время как им нужно было решать задачи. Потом она давала нам задание рисовать, а третьеклассникам решать задачки. Сама же шла во вторую комнату и проводила несколько минут со вторым и четвертым классами. Так и учились.

В школу нам приходилось ходить через поле, на котором паслись коровы. Както я замечталась, в это время около меня оказался бык с огромными рогами. Я очень испугалась и побежала домой, казалось, бык гонится за мной. Брат говорил мне, что это была обыкновенная корова, что быков здесь не бывает, а я просто трусиха. Но я была уверена, что это был бык, рога были огромные. С тех пор в школу я ходила только с братом. Если его мучила малярия, я тоже сидела дома.

Однажды мама провожала меня в школу, Маринка с братом остались дома. Мама обратила мое внимание, что кругом на всем поле росло множество шампиньонов. С этих пор мы часто собирали эти грибы. У нас был американский паек — рис. Самое вкусное блюдо — рис с шампиньонами. До сих пор люблю эту еду. Я предложила своим деревенским подружкам идти на поле и собирать шампиньоны. Они сказали, что это собачьи грибы, и никто в деревне их не ест. Надо мной смеялись: «Экспедиция ест собачьи грибы!» Мама сказала, чтобы я не обижалась, просто они не знают ничего об этих грибах. Ведь обычно они собирали грузди, рыжи-

ки, волнушки, подберезовики и подосиновики. Остальные не считали грибами. Я поняла, что не все надо рассказывать подружкам, и радовалась, что никому не сказала о том, как мы заблудились в лесу и к какому дому вышли.

Еще один раз мы с мамой ходили к дому лесника. Мама что-то шила, какую-то кофточку, примеряла на себя. Но потом я никогда больше не видела эту блузку на ней. Но хорошо помню наш второй поход в «дальний» лес.

Еще стояли очень теплые сентябрьские дни, и в субботу мы собрались, взяли свои корзинки и пошли за ягодами. Мама шла уверенно, как будто часто туда ходила. Сказала, что собирать ягоды будем на обратной дороге. Мы точно пришли к дому лесника. Женщина сразу вышла на крыльцо, и мама вошла с ней в дом. Опять вышел мальчик, принес нам молоко, с нами не разговаривал, даже не ответил на наше приветствие. Потом стоял на крыльце, глядя на нас, как и в первую встречу. Опять мне казалось, что мамы нет очень долго. Когда она вышла из дому, женщина тоже вышла на крыльцо. Я удивилась, когда увидела, что женщина обняла маму и вложила ей в руки какой-то сверток. Теперь мальчик нас не провожал, мама хорошо помнила дорогу.

Мы в этот раз не собирали ни ягоды, ни грибы. Мама сказала, что нужно быстро идти домой, потому что погода должна испортиться. Погода не испортилась, дни по-прежнему стояли теплые и тихие. Дома мама развернула сверток, там был кусок мяса. Мы с удовольствием ели суп с мясом и капустой. Надо сказать, что стекольщик, который вставлял стекла в нашем новом доме, приходил к нам довольно часто. Приносил сметану, очень вкусную и густую, молоко и рыбу. Рыба была мелкая, чистить ее было сплошное мученье. Мама варила уху, жарила этих рыбешек, делала из них котлеты. Мясо же мы ели всего несколько раз за все лето. Да еще в середине сентября, в мой день рождения, какой-то охотник принес нам утку, которая нам всем показалась особенно вкусной. Мама еще раз просила нас никому ничего не рассказывать. Мама говорила с нами так серьезно, как со взрослыми. Нам это нравилось, и мы выполняли мамину просьбу.

Один раз в неделю ученики школы, все классы, ходили в поле убирать турнепс. Этот корнеплод называют еще кормовой репой. В основном он идет на корм скоту, но мы его ели и сами. Вытаскивать турнепс из земли было очень тяжело. Выглядит он как белая редька, такой же длинный, но значительно толще. В земле сидит глубоко. После дождя его вытаскивать легче, но обувь промокает, ноги мерзнут, поэтому нам больше нравилось работать на поле в сухую погоду. Мы гордились, потому что знали: мы помогаем в борьбе с немецкими захватчиками. Мы вытаскивали из земли горы турнепса. Нам разрешалось брать по одному корнеплоду домой. Мама его чистила, резала кружочками очень тонко. Посыпаешь солью и ешь с хлебом или лепешкой. Много его не съешь, заболит живот.

На следующий день после работы в поле мы всегда знали, что нам будет вознаграждение. Учительница говорила, что мы заслужили не только похвалу, но и угощение. Оно всегда было одним и тем же — кусок черного хлеба с сахаром. Тремя пальцами учительница брала щепотку сахара и посыпала хлеб тонким слоем. Сахар тут же таял. Хлеб всегда был какой-то сырой. Но вкус сахара оставался. Когда «бутерброды» были готовы, каждый подходил и брал свой кусок. Нам это казалось неслыханным угощением. Все были веселы. Почему-то дети просили меня спеть. Я не умею петь, голоса нет, но мне приходилось исполнять их просьбу, и я пела. Каждый раз это была для меня мука, но отказаться я не могла, да и не умела. До сих пор это загадка для меня — мое пение в школе в Куморах. Хотя

в Иркутске, в музыкальной школе, я пела в хоре и даже иногда была запевалой вторым голосом.

Примерно в конце сентября учительница собрала в одной комнате всех учеников, с первого по четвертый класс. Она была очень взволнованна, сказала нам, чтобы мы не разговаривали и слушали ее очень внимательно. Мы любили свою молодую учительницу и слушались ее. Она сообщила, что в окрестных лесах появился дезертир. Он убежал с войны. Его сейчас ищут. В лес нам категорически запрещалось ходить. Даже всем деревенским запрещалось. Говорили, что дезертир очень злобный и может убить кого захочет. Учительница просила нас дать ей слово, что мы не станем ходить в лес. Все хором дали такое обещание. Но мало кто его соблюдал. Мальчишки говорили, что они не боятся дезертира, а вот девочкам в лес ходить не надо. Но и девочки все равно ходили. Надо было собирать ягоды, грибы. Женщины обязаны были сдавать норму по сбору дикоросов, дети тоже старались помогать фронту.

Дома мы рассказали маме о дезертире. Мама очень разволновалась. Она тоже просила нас не заходить в лес далеко. Через несколько дней мама попросила нас посидеть дома с Маринкой, а она пойдет в магазин и узнает, нет ли писем от папы. Но мамы не было очень долго. Мы втроем пошли встретить маму, но продавщица сказала, что мама была в магазине и давно ушла. Дома мамы не было. Мне было очень страшно, я решила, что мама пошла в лес и на нее напал дезертир. Брат меня уговаривал, сказал, что он сам пойдет в лес искать маму, а я должна сидеть с Маринкой. Обычно, когда мы ходили «по ягоды» — так деревенские говорили всегда, когда шли в лес, даже если шли за грибами или кедровыми орехами, наши две собаки всегда были с нами. В этот раз они были дома. Думаю, что и брату моему было страшно. Ведь наш дом стоял не в деревне, а у самого леса. Нам это всегда нравилось, но не в этот день. Я сказала, что если брат пойдет в лес, то и мы с маленькой сестренкой тоже пойдем.

Мама пришла поздно, уже было темно. Боже, как мы обрадовались! Мама объяснила, что ходила по делам. Писем от папы не было. Видимо, их отряд был в местах, где нет населенных пунктов. Но мама принесла большой кусок мяса. Сразу стала его жарить, мы чистили картошку. Я так радовалась, что мама дома. Просила ее никогда не уходить так надолго. Мы наелись и улеглись спать. Я хотела рассказать в школе, как мне вчера было страшно, я думала, что на маму напал дезертир, но что-то меня удержало, и я никому ничего не рассказала.

Через несколько дней в Куморы приехало много мужчин. Среди них были милиционеры из города Нижнеангарска. Перед магазином собрали народ — чуть не всю деревню. Я удивилась, что в деревне было так много жителей. Нам объяснили, что дезертира еще не поймали, но это вопрос времени. Говорили, чтобы ходили в лес большими группами и только в светлое время дня. Если кто-нибудь заметит что-либо подозрительное, необходимо сразу сказать милиционеру, который будет все время дежурить в деревне.

Дома мы с братом обсуждали это новое положение. Мама сказала, что просто удивительно, как этот человек мог сбежать с «театра действий», как она сказала. Я не поняла, из какого театра он сбежал. Оказывается, это был такой термин — театр военных действий, то есть война. Чтобы попасть на Байкал, да еще в нашу отдаленную деревню, сколько же ему пришлось бежать. Вся деревня обсуждала только весть о дезертире.

Один раз в неделю в деревне топили баню. Это была небольшая избушка без

окон. Стояла она на берегу Верхней Ангары. С утра до обеда мылись женщины и дети, потом мужчины. Дверь в баню летом не закрывалась. Там было темно, но все ухитрялись не потеряться. Мы всегда были рядом с мамой. В бане стоял галдеж. Все боялись, как бы дезертир не пришел в баню, когда моются женщины. Нам мама сказала, что такого просто быть не может. Если этот человек дезертир, то он будет прятаться в лесу, а не приходить в деревню, да еще в баню. Так и было.

Поймать дезертира не могли. Рассказывали разное. Некоторые говорили, что видели его в лесу, но он быстро убежал. Старые женщины уверяли, что это дьявол бегает по лесу, а не этот, как его там. Говорили, что вот только его окружают, а он вдруг прыг через головы и скрывается в лесу. Будто бы у него на ногах были специальные пружины. Дезертиру приписывали огромную силу: он мог догнать оленя и скрутить ему голову. Костров он не разводил, чтобы его не нашли, а ел сырое мясо или ловил рыбу — и тоже ел сырую. Ходили слухи, что он носит шкуры, не боится ни медведя, ни волков, а вот звери его боятся. В лесу он устраивал секретные хранилища для соли, спичек, других вещей. Стоит сухое дерево, но, если его повалить, в дупле можно найти вещи дезертира. Обо всем этом мы слышали в школе от детей. Мама же сказала нам, что половина, если не все, это выдумки. Но я верила, потому что рассказывали девочки, у которых в избах жили милиционеры. К нам тоже приходил милиционер, предлагал переехать жить к кому-нибудь из деревенских жителей, но мама сказала, что дезертир, скорее всего, будет прятаться в лесу, а не в нашей избе. Милиционер согласился, но велел быть настороже. В лес все ходили, как и прежде, но большими группами и все время перекликались. Мне нравилось перекликаться в лесу. Все время кто-нибудь кричал:

— Ау, ты где? Иди сюда!

Было даже веселее, чем раньше. Раньше грибы и ягоды собирали молча, а сейчас все разговаривали, смеялись.

Мальчишки пугали девчонок:

— Вон смотри, куст шевелится, там дезертир! — Девчонки визжали, мальчишки смеялись. Почему-то было радостно, а не страшно. Но, как только мы видели милиционера, смех прекращался. Все приезжие мужчины выглядели очень строго и озабоченно.

Наступали холода, лужи покрывались льдом, одеваться нужно было тепло, хотя школьные две комнаты хорошо топили. Дров-то было полно. Пойди в лес и наберешь сколько тебе надо. Все школьники собирали в лесу дрова для отопления школы. Мы с братом тоже все время собирали хворост для нашей печки. Мама топила печку два-три раза в день, к утру наша комната уже была холодная. Дом не был предназначен для зимы. Грибы в лесу стали пропадать, но замороженные ягоды были очень вкусные. Мама велела нам собирать шиповник, сушила его и давала нам пить чай с шиповником.

Мы ждали возвращения папы. Летний сезон кончился, а папин отряд все не возвращался. Мы уже насушили для папы целый мешочек табаку (махорки). Очень хотелось его обрадовать. Собаки стали часто спать в доме, всегда лежали у порога. Это были две огромные лайки, может быть, нечистокровные, но очень красивые, мех у них был чистый, мягкий. Как всегда, мы их вычесывали, а мама делала пряду. Мы с братом научились вязать. Я вязала папе бесконечный шарф. Часто мама говорила, что где-то я пропустила петлю или некрасиво у меня получилось. Приходилось распускать и начинать все чуть ли не сначала. Маринка все время была занята собаками. Удивительно, как они ее слушались.

Вдруг объявили, что дезертира поймали. Правда, его никто не видел. Но слухи распространились по деревне быстро. И тогда милиционер, который неотлучно находился в деревне и сам не участвовал в поимке беглеца, стал рассказывать, как его поймали. Все это было похоже на сказку.

Те, которые ловили дезертира, говорили, что всем было страшно. Дезертир мог приручить диких зверей, например медведя, и натравить его на людей. Мама нам говорила, что всего этого не может быть, но я верила всем этим рассказам. Говорили, что он был невероятной силы (это так и было, он был очень сильный), оленя забивал топором. Однажды несколько милиционеров услышали в лесу страшный треск и шум. Они решили, что медведь погнался за какой-нибудь коровой, которая не пришла вовремя домой из лесу. Но это оказался сам дезертир. Он выглядел как дикий зверь. Весь зарос волосами, в каких-то шкурах, и нес на плечах убитого оленя. Целого! Это только потом выяснилось, что он сам вышел из леса и сдался.

Сказал, чтобы оленя отдали деревенским жителям, он их угощает. Вот не знаю, пробовали ли женщины и дети это мясо. Никто об этом не говорил. Но все узнали, кто это был. Это был лесник, дом которого стоял в лесу. Жил он с женой и сыном. Все в деревне его знали, он был добрым человеком, хотя и нечасто приходил в деревню. Говорили, что он был баптистом, поэтому убежал с войны, не мог убивать людей. Теперь его будут судить военным трибуналом и расстреляют. Появились слухи, что и его жену, и сына тоже расстреляют.

Никто не видел, как уводили или увозили дезертира. Никто из деревенских жителей не мог этим похвастаться. Но все мы видели, как увозили его жену и сына. Днем их привезли на телеге из лесу. Они не плакали, но молча сидели на телеге. Им не разрешили самим зайти в магазин, кто-то что-то купил для них. Их везли к реке. Говорили, что их увезут на «утюге» — так в Сибири часто называли карбасы. Вся деревня собралась посмотреть. Мы тоже пошли. Все окружили телегу. Мама с Маринкой на руках подошла очень близко к телеге и что-то быстро сказала жене дезертира. Та хотела тоже что-то ответить, но милиционеры сразу оттеснили маму от телеги. Почему-то арестованных было жалко, но некоторые громко осуждали их, чем-то грозили. Вероятно, это были те женщины, мужья или сыновья которых воевали. А кто-то говорил, что жена дезертира была добрая женщина. Когда ее муж добывал изюбря или медведя, она всегда приходила в деревню и приносила мясо для старых или одиноких жителей. И никогда деньги не брала. У пристани уже стоял «утюг», милиционеры с ружьями сопровождали жену и сына дезертира по сходам. Мы стояли на высоком берегу, было хорошо видно, как их под конвоем поместили в «утюг». Стало темнеть, и нас заставили идти по избам, а не ждать, когда отойдет «утюг».

Мы пришли домой, мама была очень грустная и не разрешила нам обмениваться мнениями по поводу арестованных. Мама сказала, что ни жена, ни сын ни в чем не виновны. Они не виновны в том, что этот человек стал дезертиром. Это только его вина, но не их. И блузку мама сшила для его жены, потому что эта несчастная женщина говорила, что не хочет, чтобы ее расстреляли в плохой одежде.

На следующий день в школе только и было разговоров о дезертире и его семье. Никто не хотел слушать учительницу. Все хотели рассказать, кто и когда видел его до войны, кто что слышал о нем. Учительница сказала, что никто не мог знать его до войны, потому что он ушел на войну в первый день, а четыре с половиной года тому назад все мы еще были маленькими и не могли его запомнить. Да и в деревне он появлялся редко. Но все говорили о том, что он был добрый человек и всегда помогал слабым в деревне.

Долго еще не утихали рассказы о том, как он жил в лесу во время побега. Много было выдумок. Просто сказки слагали о нем. Кто во что горазд. В конце октября вернулся папа. Как же мы все были рады! Маринка все время сидела у него на плечах. Мне тоже хотелось взобраться папе на плечи, но я уже была большая и думала, что ему будет тяжело. Мы стали собираться в обратный путь, который не раз мог закончиться трагически, но все кончилось благополучно.

Когда мы приехали в Иркутск и пошли в школу, мы рассказали своим друзьям о дезертире. Особенно мой брат Андрей красочно расписывал эту историю. Мы оба начинали с того момента, как у жены лесника пропал топор, который всегда лежал под крыльцом. Валентин Распутин, слышавший наши рассказы, написал повесть «Живи и помни». Многое он изменил, но основную нить оставил.

Мама потом нам рассказала, что жена лесника была одного возраста с ней, но мальчик был старше моего брата лет на пять. Жена дезертира как-то после пропажи топора увидела целое стегно марала (задняя часть, бедро туши) на крыльце. Тогда она поняла, что дезертир — это ее муж. Однажды она оставила ему спички и соль на крыльце. А он приносил ей мясо. Это она давала маме мясо, чтобы подкормить нас. Мы все были худенькие, а деревенские дети — плотные. Мама жалела жену лесника. Она же понимала, что та ни в чем не виновата. Та говорила маме, что ни разу не видела своего мужа после того, как он ушел на войну. Он не показывался на глаза ни ей, ни сыну. Ее вина в том, что она не могла донести на него. Но думала, что и так все, кому надо, знали, кто такой дезертир.

Папа узнавал, что стало с женой и сыном дезертира. Их сослали на север, в Березово. Папа рассказал нам, что это деревня, в которую когда-то был сослан князь Меншиков, фаворит Петра I. И в Березове живут люди. И еще папа сказал, что это лучшее, что могли придумать для них, это был гуманный приговор. Самого лесника деревни Кумора расстреляли в 1944 году.